

Анна Вермер,

НЕНАВИЖУ

и... холоду

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Веммер

Ненавижу и... хочу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58654973

SelfPub; 2020

Аннотация

Они были идеальной семьей и счастливыми родителями. Леша и Лиза. Две половинки одного целого. А потом она ушла навсегда. Оставив его умирать в одиночестве, с разрушенным бизнесом, ребенком на руках. Ушла, не оглядываясь, к богатому любовнику, оборвав все связи. Алексей Каренин выжил, но чего ему это стоило – знает один лишь дьявол. И когда Лиза вернулась, он не смог ей не отомстить... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава первая

Алексей

В клубе шумно и ярко, но алкоголь в бокале только раздражает. Хочется больше и больше. Я с удовольствием смотрю на стройных гибких девчонок на барной стойке и лениво выбираю, которая из них подойдет для продолжения банкета.

Рыженькая? Или с короткой стрижкой? В последнее время меня прут короткие прически, и чем дольше я смотрю на танцующую блондинку со стильной стрижкой, тем больше хочу ее трахнуть. Она потрясающе двигается.

– Вон, смотри, какая! – Вадик показывает на клетку, в которой извивается еще одна девочка гоу-гоу.

Хороша, с этим бесполезно спорить: подтянутая полная грудь, чуть подкачанные губки и шикарные, почти до талии, волосы. Но я морщусь: она брюнетка. Ненавижу брюнеток. Едва смотрю на какую-нибудь темноволосую бабу, так сразу вспоминаю **ее**. И тянет не то проблеваться, не то догнать, сжать волосы в кулак и как следует тряхнуть суку, чтобы заглянуть в глаза и увидеть страх передо мной.

Это как саднящая заноза. Абсцесс, только, мать его, в груди. Мозгоправ бы назвал это комплексом, травмой или каким-нибудь модным гештальтом, а я просто хочу, чтобы сучка страдала, одна мысль о том, что она нежится где-то на пля-

же и радостно сосет какому-нибудь олигарху, выводит меня из себя.

Делаю большой глоток коктейля и отпускает.

– С кем Темыч? – спрашивает друг.

– С бабушкой.

– Надолго?

– До послезавтра.

– Завалимся к тебе?

– Не, – морщусь, – снимем номер. Я не таскаю баб туда, где живет сын, ты прекрасно знаешь.

– Да я не в претензии, просто уточняю, – пожимает плечами друг. – Ну, давай, за успех.

Мы снова пьем. Сегодня действительно отличный повод: мы выиграли суды, что длились несколько лет, добились разблокировки счетов и получили все деньги, что по праву принадлежат нам. Я так долго ждал момента, когда смогу вернуться в привычную жизнь, что готов нервно смеяться, не веря, что победил.

Да, порой если ты сильно мешаешь конкурентам, в ход могут идти самые разные методы. Не всегда законные и порядочные. Но сегодня я праздную победу, и отныне ни одна мразота не сможет встать у меня на пути. Теперь это не просто вопрос самолюбия или достатка, это вопрос благополучия сына, которому больше не на кого надеяться, кроме меня; достойной старости матери, которая осталась совсем одна.

И мои анестетики. Сигареты. Алкоголь. Трах на одну ночь. Все, что отключает от мыслей о суке, из-за которой я чуть не сдох следом за отцом. Которая разрушила мою жизнь до самого фундамента, плюнула в душу и сбежала.

А ведь мы познакомились точно так же, в клубе – вдруг доходит до меня. Я помню эту ночь, очень хорошо помню, а если закрою глаза, то картинка станет яркой, словно кто-то включил кино.

Она сидела за стойкой, в коротком белом платье с открытой спиной. Худенькая, изящная, скучающая. С шикарными волосами – они бросились мне в глаза практически сразу. Не накрученными идеальными кудрями и не лоснящимися от вылитой химии прядями. О, нет, ее волосы жили отдельной жизнью, когда она двигалась в танце. И непослушно падали на лицо, когда она смешно склонялась чтобы отпить из бокала, куда бармен от щедрот налил ром-колы едва ли не с горкой.

Я увидел ее и захотел, но почему-то сразу понял, что сегодня девчонка со мной не поедет. Ее не впечатлят ни машина, ни «Моэт», ни пентхаус в высотке. Она из тех, что ходят в клубы потанцевать. Но я все же подошел.

– Привет.

– Привет, – вздохнула она.

– Скучаешь?

– Нет. Прости.

– Не понравился?

И сам замер в ожидании ответа.

– Не знакомлюсь.

– Почему?

– Надоело, – пожала плечами. – Сейчас мы представимся, потом потанцуем, выпьем, ты предложишь поехать к тебе, я откажусь, и дальше все зависит от степени твоего воспитания. Или назовешь меня динамо и психанешь, или скажешь что-то вроде «окей, без обид» – и найдешь себе новую жертву.

– А если нет?

– Что нет? – Она оторвалась от бокала и с интересом на меня посмотрела.

Ага! Я нащупал ниточку! И тут же принялся за нее тянуть.

– Давай я попробую тебя удивить еще на этапе знакомства? И не предложу ехать ко мне... сегодня.

Ее щеки заливают румянец, а мне кажется, что я надрался – так ведет. Хотя на самом деле я за рулем и не выпил ни капли.

– Ну, давай.

– Тебя как зовут?

– Лиза...

– А мое имя ты попробуешь угадать. Давай так: я выбираю место для свидания и веду тебя туда, ты внимательно все подмечаешь и пытаешься отгадать, как меня зовут.

– Не поняла...

– Ну что тут не понимать? Завтра вечером встретимся и

сходим на одно мероприятие. В нем содержится подсказка о том, как меня зовут. Угадаешь – исполню любое желание.

– Любое?

– Даже если попросишь навсегда исчезнуть из поля зрения.

Она закусила губу, сомневаясь, но в глазах, офигенных серых глазах, уже горел огонек любопытства.

– Не бойся, это публичное приличное место. Если не понравится, уйдешь. Но это вряд ли.

– Идет! – просияла она.

– Тогда завтра в половину седьмого на углу малой Никольской, со стороны головного «Сбера», окей?

– Хорошо. А ты случайно не Николай?

– Почему Николай?

– Ну... Никольская.

Я рассмеялся, и Лиза с удовольствием присоединилась.

– Не угадала. Завтра узнаешь.

– погоди! – крикнула она мне вслед, когда я уже уходил. – Как мне хоть одеться?

Я уже представлял, как она будет раздеваться, если честно. Поэтому просто махнул рукой.

– Как оделась бы на первое свидание в приличное публичное место. Лиза...

Мне понравилось ее имя. Лиза... Елизавета.

– Эй, Леха, ты где? – Вадик пихает меня в плечо. – Текилу будем?

– Будем. Тащи текилу и девчонок. И пожрать закажи. Ну и девкам сладкой хуйни.

– Приказ понял, шеф!

Пока Вадик где-то шляется, мой взгляд вновь возвращается к длинноволосой брюнетке в клетке. И я с отвращением понимаю, что думаю о том, чтобы ее трахнуть. Только это все равно что расковырять больной зуб. Удовольствие на границе с болью, какой-то мазохизм.

Почему я сегодня о ней думаю? Я ведь как алкоголик, зачеркивал дни, когда удавалось не вспоминать об этой сучке по имени Лиза. Триста шестьдесят пять точек в календаре. Потом еще триста шестьдесят пять. А потом сто семьдесят две.

И это я всем рассказываю, что забыл ее и в гробу видел мысли о Лизе. Конечно, забыл. Запер на замок воспоминания и оставил только фантазии о том, как я беру ее за горло и сжимаю, пока стерва не затыкается, не начинает скрести когтями по моей руке и умолять, чтобы я ее отпустил. Такие мысли пугают, но еще больше пугает, что со временем злость не утихает. Она смешана с обидой, с ненавистью, с ноющими шрамами – и физическими, и теми, что не видно.

Я повел ее на «Анну Каренину» и весь антракт, а потом прогулку до дома веселился, как Лизка пытается угадать мое имя.

– Лев?

– Нет.

– Сергей?

– Нет.

– Погоди... Алексей?!

– Почти...

– Что значит почти?!

– Потому что надо угадать еще и фамилию.

– Алексей Каренин? Серьезно?

Пришлось показать ей паспорт, потому что Лиза никак не хотела мне верить. И даже после этого она то и дело косилась, словно считала, что это может быть глупой шуткой.

– А сестры Ани у тебя нет?

– Нет, к сожалению, здесь судьба не стала издеваться. У меня брат, Глеб. Так что, достаточно оригинально для второго свидания? – спросил я.

– А я ведь выиграла желание, да? – лукаво спросила моя хулиганка.

– Выиграла. Чего ты хочешь?

– Давай сходим еще раз? Я половину пропустила, пытаюсь угадать, как тебя зовут!

Она весело рассмеялась. Сверху валил первый снег. Я посмотрел в серые дымчатые глаза и влюбился. В нее, в студентку третьего курса педагогического института, в Лизу Иванову, уже через полгода ставшую Елизаветой Карениной.

Возвращается Вадик с бутылкой текилы и двумя стаканами, а следом за ним семенит довольная официантка – наверняка перепали чаевые. Она быстро разливает напиток, сер-

вирует лайм и соль, обещая совсем скоро разобраться и с остальным заказом.

– Ну что, Лех, ловим девчонок? Давай уже рожай, которую, пока всех, кто симпатичнее крокодила, не разобрали.

Здесь он конечно лукавит: здесь не бывает страшеньких. И динамщиц тоже. За кругленькую сумму любая «гоу-гоу» превратится в «гоу-гоу с нами».

Я открываю было рот, чтобы сказать про блонду, и вдруг слышу:

– Лех... это че, Лизон?

Если бы рюмка в моей руке оказалась чуть тоньше, наверняка бы не выдержала. Я сжал ее с такой силой, что едва не смял вместе с собственной душой, скрутившейся в бараний рог. Сука! Нет!

Смотрю туда, куда ткнул друг и сначала приходит облегчение: обознался. Потом, следом за ним, слепая ярость. Она обрезала волосы, собрала их в косу и старательно косит под простужку, ловко складывая на гигантский поднос тарелки с обедками.

Одной части меня невыносимо хреново, а вторая ликует: хотя бы эта тварь не на пляже нежится под солнцем, а въезжает обслугой.

А потом она поднимает голову и смотрит куда-то в сторону сцены. Я рисую взглядом знакомый тонкий профиль и понимаю, что алкоголь, смешанный с ненавистью, превращается в коктейль, против которого бессилён разум.

Я думал, что выбросил ее из головы, но я ошибался. Эта мерзавка все еще живет внутри меня. И раз уж судьба подтолкнула ее ко мне навстречу...

Следующий раунд будет мой.

– Слушай, – говорю я, – ты, вроде, давно Лизку хотел, да?

Вадик нервно дергает глазом.

– Лех, ты че, я бы никогда...

– Расслабься.

Стопка текилы залетает, как родная.

– Хотел?

– Ну, было. Она красотка.

– Тогда тебе, мой друг, невероятно повезло. Забей на этих шлюх. Скоро Новый год. Подарим Лизку групповой секс без обязательств. Вряд ли для нее это в новинку.

Лиза

Кажется, я сейчас умру. Спина болит так, словно меня сбил автобус. Шея в постоянном напряжении, а руки дрожат от тяжелых подносов. Второй день на новой работе оказался адским. Я не ждала, что буду всю смену бегать с легкими бокалами, но уж точно не ожидала, что уже к середине ночи превращусь в комок усталости, боли и нервов.

Ноги словно ступают не по полу, а по битому стеклу. И ужасно болит голова. Я пью третью таблетку за смену, и это почти лимит, четыре – суточная доза. Но они спасают ненадолго, от грохочущей музыки, запахов кальянов и мигающего света хочется спрятаться как можно дальше. Увы, такая

роскошь мне недоступна.

Впрочем, стоит благодарить судьбу, что работа вообще есть. В последнее время общепит и клубы чувствуют себя неважно. Я успела поработать посудомойкой в ресторане, горничной в гостинице, и вот теперь тружусь официанткой в дурацком коротеньком платье и заячьих пошлых ушках. Не могу даже сосчитать, сколько раз за ночь меня ухватили за задницу, а сколько попытались усадить на колени.

Стоит нечеловеческих усилий сдерживаться, напоминать себе, что я – просто робот, запрограммированный носить тарелки, а внутри ничего не замирает от панического ледяного ужаса, когда очередной нетрезвый клиент предлагает деньги за ночь или просто внаглую тащит на диван.

Мне очень нужны деньги. И я должна работать. Оплатить коммуналку, найти себе немного еды, а потом думать, как жить дальше. Черт, было бы проще, если бы у меня был диплом, но он сгорел вместе с машиной мужа, и с тех пор у меня не было ни времени, ни сил восстановить. Да я и не знаю, возможно ли это. И кто возьмет на работу выпускницу, которая пять лет после выпуска не работала вообще?

Нужно задержаться здесь. Иначе только в уборщицы офисов. Почему-то эта мысль пугает больше всего, я не хочу мыть офисы и магазины. Здесь неплохо платят, а еще оставляют щедрые чаевые. И кормят, что в последнее время стало очень актуально.

Да, Лиза, ты докатилась. Носишь еду в платье с пуши-

стым хвостом на заднице, радуешься пельменям и мечтаешь о чашке хорошего кофе. Господи, все бы отдала за капучино! Нежный, мягкий, с молочной пенкой и легкой коричневой присыпкой... раньше я пила их литрами, не замечая, как улетают деньги с карточки, а сейчас если бы кто-то повелел написать письмо Деду Морозу, я бы попросила чашку кофе и марципановую конфету.

Голод – одна из самых унижительных вещей, с которыми я столкнулась за этот год. Можно пережить старые разваливающиеся зимние ботинки, отсутствие дома света и отсутствие в холодильнике еды, но чувство облегчения и робкой радости от того, что тебе дают целую тарелку разогретых пельменей, вынести практически невозможно.

Я считаю часы до конца смены. Мысль о том, что, вернувшись домой, я отключусь, едва успев раздеться – единственное, что спасает.

– Елизавета, – строго говорит администратор, когда я подхожу, – а ну-ка, идем.

В душе появляется смутное беспокойство. Что случилось? Этот вопрос я и задаю.

– Случилось. Клиент утверждает, что ты украла у него кошелек.

Руки как-то резко слабеют, и я отстраненно радуюсь, что не держу сейчас поднос, иначе вся посуда покатилась бы по полу.

– Это неправда! Я ничего не брала!

– А вот сейчас и проверим. Показывай сумку и карманы.

Что ж, похоже, я соврала. Вот ЭТО унизительнее голода. Я никогда бы не взяла чужое. Девчонки частенько обманывают подвыпивших клиентов, зажимая сдачу или накидывая в чеке пару лишних позиций, а я даже на это не могу решиться. Даже если знаю, что дома меня из еды ждут чай и пачка овсянки.

Мы заходим в комнату для персонала, и я снимаю с вешалки сумку и куртку.

– Я ничего не брала. Я вообще не заходила сюда с тех пор, как...

Администратор, женщина средних лет с непривычным именем Айжан, не обращая внимания на мои слова, роется в сумке. А когда извлекает оттуда черный мужской кошелек, мне кажется, словно земля уходит из-под ног.

– А это что?

– Я...

– Елизавета, я спрашиваю, что это?!

– Я не знаю, Айжан! Я впервые его вижу, это не я!

Должно быть, кто-то из девчонок испугался, что поймают и быстро сунул мне в сумку. Но как доказать?

– Давайте посмотрим камеры! Я ничего не брала, я даже не знаю, чей он!

Начальница неторопливо открывает кошелек, но он совершенно пуст, только карточки виднеются в специальном отделе. Женщина поднимает на меня глаза, и я читаю в них

все: злость, разочарование, обвинение и... что-то еще.

– Что? – онемевшими губами спрашиваю я.

– Лиза, верни деньги по-хорошему.

– Какие деньги, Айжан?! Я! Ничего! Не! Брала!

– Кошелек клиента в твоей сумке. В кошельке были деньги, ровно двадцать семь тысяч рублей. Сейчас здесь пусто. Давай не будем вызывать полицию. Верни деньги, с клиентом я разберусь сама. И пойдешь отсюда на все четыре стороны по-хорошему.

Двадцать семь тысяч... еще год назад они казались копейками. Я могла купить туфли в три раза дороже просто потому что понравились ремешки или отдать такие же деньги в салоне. Сейчас чтобы их заработать мне разве что придется пойти в проститутки. Или продать почку, и тогда останутся деньги на коммуналку, кстати.

– Я не брала. Я клянусь, я не брала! Айжан, ну где бы я их спрятала?!

– Ладно. Не хочешь по-хорошему, я вызываю полицию.

Первый шок чуть проходит, и я заставляю себя успокоиться.

– Да. Да. Вызови. Пусть смотрят камеры, я ничего не брала!

– Клиенту скажи, – огрызается Айжан.

– Скажу! Где он? Пусть скажет, когда именно я подходила и как умудрилась украсть бумажник, посмотрим по камерам!

Я направляюсь к выходу из подсобки, чтобы вернуться в зал и разыскать обворованного наверняка бухого идиота, не уследившего за бумажником и даже не запомнившего официантку. Но начальница преграждает мне путь.

– Дудки, милая. Никуда ты не пойдешь. Будешь сидеть здесь, пока не приедут менты, ясно? А если клиент захочет пообщаться, тогда зайдет. Не хватало мне еще воровки! Это не сельский клуб, это элитное заведение!

– Но...

– СЯДЬ, СУКА!

Я испуганно сажусь на скамейку. Сейчас Айжан выглядит ненормальной. Ее ноздри широко раздуваются от гнева, а глаза мечут молнии. Кажется, она в шаге от того, чтобы меня ударить, и я невольно чувствую, как сжимаюсь в ожидании боли. Ненавижу! Ненавижу!

– Только попробуй что-нибудь выкинуть, Каренина, я тебя сама под поезд брошу, ясно?! Позорище. Лимита.

Она с грохотом захлопывает дверь, и я остаюсь в темноте, нет сил даже включить в подсобке свет. Руки мелко дрожат, а к горлу подкатывает тошнота. Я лишилась работы... это не подлежит сомнению. И если не докажу, что не брала проклятый бумажник, то отправлюсь в тюрьму.

– Господи, когда все это закончится, – шепотом спрашиваю я, хоть и знаю, что ответа не будет, – неужели меня мало за Лешку наказали...

Нельзя сейчас плакать, и я упрямо вытираю слезы. Я не

слабая, я не воровка, я сейчас спокойно все объясню полиции, клиенту. Мы вместе посмотрим камеры, найдем того, кто спер бумажник и подкинул его мне, а потом я пойду домой и забуду все, как страшный сон. Всю жизнь как кошмар, непрекращающийся.

Время течет невыносимо медленно. У меня нет часов, а смартфон остался в сумке, которую почему-то забрала с собой Айжан. Кажется, будто я сижу здесь несколько часов, и вскоре приходит паническая мысль: а если обо мне забыли? Разобрались в инциденте и ушли, а меня так и оставили в закрытой кладовке. В темноте.

Я знаю, что будет дальше. Еще какое-то время у меня получится сохранять спокойствие, а потом накроет паникой. Я уже чувствую, как из темноты она тянет ко мне холодные скользкие лапы. Иногда помогает думать об Артемке. Я вспоминаю его темную головку, склонившуюся над рисунком, высунутый от усердия язык и тихое сопение.

А Лешка смеялся и говорил:

– Лизка, весь в тебя. Ты не замечала, что вы совершенно одинаково вытаскиваете язык, когда думаете? Они у вас даже одинаковой формы. Никогда не думал, что языки могут быть одинаковыми.

Его это так забавляло, что он постоянно ловил нас на задумчивости и по-дурацки хихикал.

Это опасный путь. Я могу как вытащить себя за косичку из болота, так и оступиться, вспомнить о том, чтобы было

после, и провалиться еще глубже. Захлебнуться в собственной тоске.

Слышу шаги и поднимаюсь. Щелкает замок, а вместе с ним «тук-тук» – мое сердце в последний раз с силой ударяется в грудную клетку и замирает. Наверное, так заключенный ожидает приговора. Надеется, что произойдет чудо, и приговор станет оправдательным, но в глубине души знает, что к нему идет палач.

– Мы посмотрели камеры, – холодно говорит Айжан. – Там четко видно, как ты хватаешь бумажник со стола и прячешь в карман фартука.

– Этого не может быть! Я не брала! Покажите запись, я хочу увидеть ее!

– В полиции посмотришь. У тебя будет много времени подумать о том, каким ничтожеством можно стать. Надеюсь, они закроют тебя на годик-другой в колонии.

Меня бьет мелкая дрожь. Я знаю, что Айжан зла и специально меня доводит, но часть меня до безумия боится оказаться в тюрьме, пусть и на время разбирательств.

– Так нельзя... я ничего не сделала... Покажите записи! И... и дайте поговорить с тем человеком! Я не буду больше слушать ваши оскорбления. Я сама все объясню! Дайте мне с ним поговорить!

– Ладно, – после долгой паузы кивает Айжан. – Поговоришь. А потом навсегда скроешься с моих глаз, и сама будешь выпутываться. Сядешь ты или продашь почку, меня не

ебет, ясно?

– Да, – глухо отвечаю я.

Моя надежда только в том, что клиент окажется адекватным. И поверит, что я не брала его бумажник. Но камеры... неужели Айжан соврала? Там не могло быть меня! Может, перепутали девушек? Если мне удастся посмотреть запись, я смогу понять, кто стащил кошелек.

Администратор уходит, а я слышу новые шаги. Более тяжелые, какие-то тревожные. Хотя к этому моменту я уже в состоянии полуобморока. Я ужасно хочу пить, еще сильнее – есть. Готова отдать душу за возможность прилечь, а в висках пульсирует боль.

Когда вспыхивает свет, я жмурюсь и не могу рассмотреть вошедшего. Глаза, привыкшие к темноте, слезятся и болят. Но когда первый шок проходит, в первое мгновение я думаю, что сошла с ума. Что усталость сыграла со мной злую шутку.

Потом ноги подкашиваются, и я сажусь на скамейку.

– Леша...

– Здравствуй, Лиза. Неожиданная встреча, правда?

– Что это значит? Что ты здесь делаешь?

Боже, что я несу?! Лопочу какую-то ерунду, а сама жадно всматриваюсь в знакомые черты. Он почти не изменился... только вернулся к спорту и сменил теплый взгляд на холодное отвращение. Но все еще красивый. При взгляде на него я все еще чувствую, как внутри все сжимается. В нем – черты моего сына, в нем – моя душа, от которой ничего не осталось.

– Ты стащила мой бумажник.

– Нет. Я даже не знала, что ты здесь, я не подходила к тебе.

– И все же бумажник нашли в твоей сумке. А денег там не было.

– Чего ты добиваешься?

– Того, чтобы ты заплатила.

Мы все еще о деньгах?

– У меня нет двадцати семи тысяч.

Я не собираюсь этого добавлять, но слова сами вырываются тихим шепотом:

– У меня ничего нет.

Он подходит ближе. Накрывает сначала запахом, незнакомым – сменил духи. Потом теплом от близости. А потом прикосновением к подбородку, вынуждает поднять голову. Смотреть ему в глаза невыносимо. Я ни разу не отважилась.

– Ошибаешься, Лиза. Кое-что у тебя все же есть.

Губы немеют, а голос куда-то пропадает. Он так близко, и от близости кружится голова. Кажется, я вот-вот проснусь, потому что все мои сны о нем заканчиваются так же, но... это не сон. Это он передо мной, призрак прошлого, демон с холодными жестокими глазами. Я влюбилась совсем не в этого Лешу, но я его таким сделала.

И не жалею об этом.

– Что тебе нужно? Отпусти меня...

– Отпущу. И даже не стану писать заявление. Только ты кое-что сделаешь. Как по мне, это хорошая услуга почти за

тридцатку, которую ты сперла.

– Я не...

Он прижимает к моим губам ладонь. От прикосновения по телу идет дрожь, и я даже не могу сказать, страх это или что-то другое, давно похороненное.

– Сейчас ты оденешься и вместе со мной выйдешь из этого гадюшника. Мы сядем в машину, поедem в отель, где ты будешь очень хорошей и послушной девочкой. А когда мы с тобой наиграемся, исчезнешь навсегда, как ты умеешь.

– Мы... Леш, я не понимаю...

– Что тут понимать? – грубо обрывает бывший муж. – Мы с Вадиком хотим тебя трахнуть. Он всегда смотрел на тебя, как кот на сметану, а передо мной у тебя еще пени по супружескому долгу накапали. Одна ночь – и до свидания. Ну, или поехали в КПЗ, потом в колонию.

– Леша...

Я не могу поверить в то, что слышу это от него. Между парнем, в которого я влюбилась по уши, и мужчиной, что сейчас смотрит и оценивает меня, как товар, нет ничего общего. Только внешность, только имя. А душа не его.

– Так же нельзя.

– Почему?

Он жадно рассматривает меня, взглядом скользит по вырезу платья и голым коленкам. Я с горечью думаю, что этот взгляд совсем не отличается от тех, которыми награждали нас богатые клиенты с ощущением вседозволенности. Толь-

ко ему сейчас действительно дозволено все.

– А если я скажу, что согласна на полицию?

Он может и не отвечать, я знаю, что будет. Сейчас Алексей Каренин – очень богатый человек, способный и доказать мою вину и устроить поездку в не столь отдаленные места. Я очень плохо знаю законы, понятия не имею, сажают ли за такую кражу, но не сомневаюсь, что Леша бросит все силы, чтобы отомстить.

Мы оба знаем, что дело не во внезапно вспыхнувшем желании. И не в злости за потерянные деньги, если они вообще были. Он хочет, чтобы я испытала тот же ужас, почувствовала себя разбитой. Я не ждала милости и прощения от бывшего мужа, но точно не была готова к его ненависти.

– Леш... я тебя прошу, отпусти меня... не мучай.

Себя не мучай. Меня. Я не имею права просить, наверное, не заслужила, но, черт возьми, я хочу дышать! Хочу помнить несколько лет, когда была счастлива, а не часы, когда умирала последняя надежда на то, что однажды все будет хорошо.

Как Леша сам говорил.

«Все, Лизон, будет хорошо. Это инсайдерская информация».

– Я тебя, Лиза, тоже о многом просил. И ребенок просил. Ты нам что сказала? Помнишь?

– Да...

– Вот и все. Так что? Мы рассчитываем на твою компанию, или звонить ребятам в форме? Ты только учитывай: га-

рантию, что тебя там не трахнут, я дать не могу. Что ты так смотришь? Неужели ни разу со своим хахалем не звала друга? Давай, детка, это лучше, чем посвятить следующую пятилетку пошиву рукавичек.

Я поднимаю взгляд на бывшего мужа, уже не надеясь рассмотреть в нем осколки некогда счастливой любви.

– Скажи... ты все еще принципиален, как раньше? Держишь слово, которое дал?

– Допустим.

– Если я соглашусь... сделать то, что ты хочешь. Ты можешь пообещать, что не сделаешь мне больно?

– За кого ты меня держишь? – усмехается он. – Я сделаю тебе очень хорошо, Лиза.

Мне кажется, я лечу в темную пропасть. Растворяюсь в аду, который сама создала.

– Пообещай. Я так хочу.

– Хорошо. Я обещаю. Сегодня ночью тебе никто не навредит. А после мы больше не встретимся.

Алексей

Я не даю ей шанса сбежать: выхожу, чтобы собралась, и жду за дверью. Администраторша с интересом на нас косится, когда мы выходим, но молчит. Интересно, ей хоть немного стыдно? Она, по сути, подставила свою же сотрудницу по прихоти клиента и за хорошую оплату. Можно придумать тысячу отговорок, что Айжан меня знает и уверена, что я не причиню Лизе вред, но... черт, я ведь собираюсь причинить.

В ее глазах страх смешанный с недоверием. Такой жутко пьянящий коктейль. Я впитываю ее эмоции, но облегчения не чувствую, сейчас моя ненависть к ней растет по экспоненте. Смотрю на ее лицо и вижу черты сына, который до сих пор иногда спрашивает о маме. Слышу ее голос, и в голове без спроса появляются обрывки разговоров из прошлого.

На секунду, когда Лиза попросила не делать ей больно, внутри что-то болезненно сжалось. Как всегда сжималось, когда она болела или расстраивалась. Такой себе условный рефлекс: спрятать, защитить и нагло пользоваться благодарностью.

Потом отпустило. Не делать ей больно... а она, блядь, не делала? Не она сбежала, когда я лежал в реанимации? Не она сбежала, бросив ребенка, которому клялась, что мама всегда будет рядом? Не она потом постила в инстаграме тупые фоточки с моря в обнимку с новым ебарем?

О, нет, милая, я не стану делать тебе больно, но свое получу.

Я хочу вытравить ее из воспоминаний. Заменить те, в которых Лиза была любимой женщиной на те, в которых она – шлюха, прыгающая на двух членах по очереди. Хочу чтобы в ЕЕ воспоминаниях из влюбленного долбоеба я превратился в мразь, при виде которой переходят на другую сторону улицы.

Может, она уедет. Ее близость к сыну мне совсем не нравится. Думаю, наутро обсудим возможность переезда этой

суки куда подальше. Если согласится – получит что-нибудь существенное, заартачится – у меня есть ресурсы и огромное желание, чтобы выселить ее к чертям.

Но сначала я ее трахну. Потому что хочу. Потому что проклятое желание не выжечь ничем, оно все еще внутри меня. Это проклятье, только вот я понятия не имею, кто и за что меня им наградил.

Она выходит из подсобки, в тонкой короткой куртке, совсем не подходящей холодной промозглой осени, плавно переходящей в зиму. Совсем не похожа на любовницу олигарха. Он что, выпер ее, ничего не оставив?

Зато смотрит, стерва, так, словно все еще надеется, что я рассмеюсь, скажу, что пошутил и подвезу до дома. Меня бесит ее наигранная трогательность. А вот страх в глубине серых глаз заводит. Мы оба знаем, что вскоре он сменится поволокой удовольствия. Я знаю ее тело, я знаю, как заставить его реагировать.

– Идем, – говорю и беру Лизу за запястье.

Не могу за руку. Поэтому тащу за собой, как купленную в магазине большую куклу – за что удобнее держаться.

Мы выходим на улицу, где дождь со снегом валят без остановки. Я сразу же сворачиваю в один из переулков, не хочу идти по проспекту.

– А машина? – тихо спрашивает она. – Ты сказал, мы поедем...

– Вадим нашел отель неподалеку. Тебе там понравится.

Она не поспевает за мной, и приходится ускорить шаг. Лиза... маленькая глупая Лиза, зачем ты вернулась? С каждой секундой пламя внутри меня становится еще более неуправляемым. Я уже не уверен, что буду с тобой нежным. Моя маленькая глупая Лиза... что ты с нами сделала?

Запястье в моей руке хрупкой, а кожа – теплая. Кажется, она еще сильнее похудела. Или я просто так давно ее не видел?

– Леш... – слышу ее осторожный грустный голос.

– Что?

– Как... как Темка?

Что-то подобное, наверное, чувствует человек, которого взяли за горло. Невозможность сделать вдох вкупе с яростным отчаянным желанием в последние минуты жизни сделать палачу как можно больнее.

– Чтобы я от тебя больше не слышал его имени.

– Леш... ну скажи, пожалуйста. Я скучаю...

Останавливаюсь, выпуская ее запястье из стального захвата. Подхожу вплотную. Несколько секунд она смотрит мне в глаза, но все же не выдерживает – опускает голову. Стыдно, суке. У нее нет никакого права спрашивать о сыне. Она с ним даже не попрощалась.

– Как чувствует себя ребенок, которого бросила мать? Сама догадаться не можешь? Для этого нужна степень по квантовой физике, мать твою? Забудь о существовании ребенка. Ты ему никто. Ты позорно сбежала, когда он едва не лишил-

ся отца. И сейчас спрашиваешь, как он?

Я протягиваю руку, чтобы сжать на затылке ее волосы.

– Не смей при мне говорить об Артеме. Я совершенно серьезно. Если еще раз от тебя о нем услышу, то быстро забуду все обещания и проведу тебя через такой ад, что мало не покажется. Ты меня поняла?

Молчит. Я смотрю на сжавшуюся еще совсем молоденькую девчонку перед собой, и изо всех сил пытаюсь задавить чувство жалости к ней.

– Ты меня поняла, я спрашиваю?

– Да. Поняла.

– Тогда шевелись. Погода мерзкая.

Я не признаюсь в том, что не стал сажать ее в машину, чтобы не погружаться в новый виток воспоминаний. Машина, плюс Лиза, плюс ночной город... это все равно что выстрелить себе в ногу.

Отель крошечный, из числа тех, что облюбованы туристами. Но сейчас он почти пуст: до Нового года еще прилично, а осенняя приятная погода давно закончилась. Я здесь не бывал, но Вадик в свое время, скрываясь от жены, частенько снимал номера во всех местах нерезиновой.

Нас встречает приветливая девушка за стойкой. Если она и удивлена, когда я называю имя Вадима, то не подает вида.

– Да, у господина Комаровского забронирован двухкомнатный люкс с видом на проспект. Пожалуйста, ваши документы.

Лиза медлит: ей не хочется светить документами, но я незаметно подталкиваю ее под руку. И наши паспорта ложатся на стойку. Так же, как однажды легли на стол в ЗАГСе. Если девушка за стойкой не полезет дальше, в штампы, то, наверное, подумает, что мы муж и жена. А может, ей плевать. И наше появление здесь имеет значение – до болезненной дрожи – только для меня и Лизы.

– Господин Каренин, – она кладет ключ-карту на стойку. – Госпожа Каренина. Добро пожаловать. Вам нужно помочь с багажом?

– Нет, спасибо, мы налегке и на одну ночь. До свидания.

Я сгребая со стойки все: оба паспорта, ключ, распечатку бронирования.

– Приятного отдыха, – улыбается девушка. – Надеюсь, у нас вам понравится.

Вот за это спасибо. Я тоже надеюсь, что мне все понравится.

– Верни мне документы, – в лифте просит Лиза.

– Верну, когда закончим.

– Даже не знала, что ты такая скотина.

– Мы оба друг друга плохо знали.

Нужно быть слепым, чтобы не заметить ее дикий, почти бесконтрольный страх. Все время, что от лифта мы идем к номеру, я борюсь в себе с внезапно возникшим желанием развернуться и уйти. Надраться где-нибудь до беспамятства, чтобы ближайшие несколько дней провалиться с похмельем

и не думать ни о чем, кроме того, как сильно болит голова.

Я ненавижу ее за предательство, за причиненную боль. Ненавижу себя за то, что все еще хочу ее. Ненавижу Вадима за то, что он хочет ее. Сейчас он получит все, что желает, а я, увы, нет.

И еще я ненавижу себя за жалость. За то, что смотрю на худенькие плечики, скрытые под тонкой курткой, и внутри что-то сжимается. Часть меня все еще инстинктивно ее защищает. Пусть и от самого себя.

Кажется, что если я сейчас не сфорсирую события, то дойду до ручки.

Вадим обнаруживается в гостиной огромного роскошного номера. На столике початая бутылка вискаря. Завидев нас, друг удивленно поднимает брови, словно не верил, что я сдержу слово. В его глазах загорается азартный огонек.

Я не фанат таких развлечений, но сейчас мне жизненно необходимо осознать, что Лиза больше не часть меня, что она ничего не значит, просто шлюшка, которую можно трахнуть и забыть.

– Иди в душ, – бросаю я. – Только быстро.

Мне плевать, попытается она сбежать или останется в этой чертовой ванной навечно, мне уже на все плевать, я будто под анестезией. Ловлю, блядь, глюки и ровным счетом ничего не чувствую. Залпом выпиваю первый стакан и морщусь: слишком много копчености во вкусе. Не мой тип виски.

– Лех, ты в адеквате? – спрашивает Вадик.

– А что такое? Передумал? Струсил?

– Я? – усмехается он. – Не я свалил, когда мы Катьку с Алисой на троих драли. Мне так-то плевать, кого трахать, но твоя Лиза стала еще ебательнее.

– Она не моя. Трахай, как хочешь.

– Уступлю право первой ночи, – усмехается он.

Почему-то мне хочется его ударить.

Под отдаленно доносящийся шум воды я смотрю в окно. На неспящий город, на яркий свет фар, на толпы народа на улице. Напротив шумный бар, один из тысяч. Из него как раз вываливается какая-то парочка. Немного пьяная и – это видно сразу – до одури влюбленная. Красивая рыжая девчонка в короткой шубке и еще немного нескладный после только-только прошедшего пубертата парень.

Они до боли напоминают нас с бывшей.

Мне было двадцать пять, когда я встретил девушку, с которой захотел провести остаток жизни. Ей – девятнадцать. И точно так же мы ходили по барам, неловко забираясь в такси, где целовались, пока водитель не напоминал об оплате. Гуляли под снегом, ели мороженое, пили глинтвейн из смешных пряничных домиков на площади. Пересмотрели все мюзиклы, что смогли найти. Прошли все квесты, катались на коньках, купили половину ассортимента детских магазинов, пока ждали Артемку.

А теперь я здесь, в идиотском номере отеля, пытаюсь де-

лать вид, что всего лишь снял девочку на ночь и поделился с другом.

– Леш...

Настолько не ожидаю услышать ее хриплый голос, что вздрагиваю.

Лиза стоит в дверном проеме, закутанная в большой махровый халат. В огромных глазах целая бездна эмоций. Наверное, это продолжение глюков, но мне кажется, она смотрит с надеждой и страхом одновременно. За неимением лучшего спасательного круга цепляется за меня, хотя я больше всех на свете хочу, чтобы она пошла ко дну.

– Дай мне выпить. Немного.

Медленно – движения, как будто во сне – я подхожу к столу и наливаю в свой пустой бокал щедрую порцию виски. Лиза жадно пьет, а потом морщится и кашляет. Алкоголь никогда не был ее любимым развлечением. Она напилась лишь однажды, на свадьбе подружки, и ей было так плохо, что мне пришлось всю ночь просидеть с ней в гостиной при открытых в ноябре окнах – так ее трясло.

Черт. Черт! Выбрось все воспоминания о ней из головы, замени новыми. И не смотри в глаза, когда она смотрит в ожидании твоих дальнейших действий.

Я должен отступить в сторону и дать Вадику ее трахнуть. Я не собираюсь на это смотреть, да и вряд ли я вообще захочу ее после секса с другим, хотя определенный выброс адреналина мысль о двойном проникновении в нее меня заводит.

Просто я уже хочу отключиться.

Но вместо того, чтобы сделать то, что собирался изначально, я вдруг притягиваю ее к себе и впиваюсь в губы поцелуем. Вспоминаю вкус и запах, ощущение мягких податливых губок и тяжелых волос в своей руке. Не встречаю ровным счетом никакого сопротивления, только удивительную мягкость и слабость. У Лизы словно не остается сил сопротивляться, все ушли на страх, сковавший тело. Я слышу, как безумно быстро и сильно бьется ее сердце, чувствую мелкую дрожь.

Где-то сзади краем уха я слышу, как поднимается Вадим, и Лиза вздрагивает, невольно прижимаясь ко мне крепче. Она тоже не осознает, что делает, ее тело само умоляет ее защитить. Моя глупая маленькая девочка... как бы я хотел снова тебя любить. Отдал бы и душу, и сердце за то, чтобы очнуться в реанимации и понять, что годы без тебя были каким-то страшным серым сном.

Где ты, Лиза... почему от тебя остался только образ в воспоминаниях? Почему я сейчас целую тебя, а внутри все как будто провернули через мясорубку. Ты столько боли нам с сыном причинила, а я не могу от тебя оторваться, не могу заставить себя выпустить из рук и прекратить дышать за двоих.

Как же сильно я тебя ненавижу и как же хочу.

Руки действуют отдельно от разума. Я развязываю халат, и тот падает к ее ногам. В душе ядовитой змеей поднимается ревность. Она же одновременно пускает по крови адрена-

лин. Я никогда не позволял кому-то на нее смотреть. Одна мысль о том, что к Лизе прикоснется другой мужчина, была отвратительна. А сейчас испытываю мазохистское удовольствие от того, что Вадим рядом.

Она, в конце концов, трахалась с каким-то олигархом, пока я пытался не подохнуть и не заморить голодом маленького сына. Ее, сука, сына!

Я хотел быть ее первым, а был даже не единственным. С кем еще она спала, пока мы были женаты? Кажется, я нарочно накручиваю себя, чтобы причинить ей как можно боли. Или хотя бы унижить, заставить делать то, что скажу я. И одновременно с этим не могу оторваться от горячих влажных губ, осторожно отвечающих на поцелуй.

Мне уже плевать, кто ее трахнет и как. Я нарочно выворачиваю себе душу.

На миг отрываюсь от нее, чтобы расстегнуть рубашку, и случайно встречаю ее взгляд. Умоляющий, жалобный, как у маленького побитого щенка. Такой похожий на взгляд сына. Мысль о нем рождает злость, и я снова впиваюсь в ее губы. Прикусываю нижнюю, оставляя красный след, а руки лихорадочно шарят по телу, вспоминая изгибы и впадинки. Я могу коснуться ее так, что тело превратится в оголенный нерв. Могу заставить ее кончить прямо здесь, на глазах у Вадима. Могу сделать так, что ей будет совершенно плевать, кто и в какую дырку ее трахнет. Это абсолютная власть, и я знаю, на какие точки нужно давить, чтобы заполучить ее.

Только вместо этого почему-то как наркоман, снова и снова возвращаюсь к ее губам. Каждый раз думая – «последний». Вот еще разок сожму мягкие волосы на затылке. Вот проведу рукой по изящному изгибу позвоночника.

Невозможно не заметить ее дрожь и реакцию на мои ласки.

– Леша... – Голос тихий и грустный. – Лешка...

Он бесит еще больше. Как будто она скучала. Как будто имеет право снова притворяться моей Лизой. Та девчонка была всего лишь фантазией, я придумал ее. Той Лизы не существует.

Моя рука поднимается вверх по плоскому животу, пальцы обводят затвердевший и набухший чувствительный сосок. Поднимаются к тонкой шее с почти прозрачной кожей, сквозь которую видно венки. Я обхватываю ее шею, сжимаю, перекрывая доступ к кислороду, и... Лиза просто закрывает глаза.

Не пытается освободиться, не сопротивляется. Просто сжимается, как пресловутый щенок, на которого замахнулись тапком, и закрывает глаза.

– Лиза... – мой голос хриплый и какой-то не родной.

Я снова целую ее, ловлю жадный вдох, неторопливо но настойчиво толкая к спальне. Она спотыкается о кровать, падая навзничь, и я тут же накрываю ее своим телом, устраиваясь между ног. Опускаю руку, легко касаясь ноющего клитора, влажных губ, а затем погружаю в нее палец, срывая с

губ тихий стон.

– Лиза-а-а... сука ты! Как же я тебя ненавижу!

Сжимаю ее запястья, поднимая руки к изголовью, и грудь соблазнительно приподнимается. Я не могу отказать себе в удовольствии и не попробовать чувствительные соски на вкус. Не прочертить влажную дорожку от груди к ключице, не прикусить сосок, одновременно вводя в бывшую член. Медленно, смакуя каждую секунду проникновения, но до конца, заполняя ее целиком.

Она пытается сопротивляться, но это скорее похоже на кокетство, потому что ее внутри она влажная и готовая к моему члену. Все еще узкая и горячая.

– Тебе нравится... ты хочешь меня. Все еще хочешь. Скажи, так же сильно, как его? Его ты хотела сильнее?

Выхожу и снова толкаюсь в нее, с силой вдавливая в кровать.

– Скажи мне, Лиза...

Она упрямо смотрит затуманившимися от наслаждения глазами.

– Да! Его я хотела сильнее!

Видят боги, я хотел быть нежным. Но с ней невозможно сдерживаться, все стены рушатся, когда я рядом с этой девчонкой. И я трахаю ее, пока есть силы. Грубо, резко, наращивая темп, до тех пор, пока она не откидывает голову, словно предлагая мне снова поиграть с ее сосками, слизнуть капельки пота на загорелой коже.

Я потерял над собой контроль, я чувствую, как ее коготки впиваются мне в спину, и отстраненно думаю, что привычно жду ее оргазма, чтобы увидеть бьющуюся в сладких судорогах жену, поймать каждую капельку ее удовольствия – тогда собственная развязка будет ярче.

Я должен думать только о себе, но я не могу оторваться от ее лица. От блестящих на ресницах слез и шепчущих мое имя искусанных почти до крови полных губ. Когда она выгибается, содрогааясь от нахлынувшего удовольствия, я прижимаю ее к груди и чувствую бешеный ритм маленького сердечка.

В которое мне так и не удалось запасть.

– Леш... – Голос, как ветерок, почти не слышен.

Ее глаза закрываются.

– Лешка... Не отпускай меня, пожалуйста... не отдавай меня ему...

Я всегда любил кончать именно в этот момент. Когда ее тело не поддается контролю, когда остатками оргазма еще накатывают спазмы и ее плоть сокращается вокруг моего члена, подводя к нужной черте и меня. Когда она больше всего на свете хочет закончить пытку, но сил отстраниться нет – и я через несколько толчков кончаю и сам.

«Лиза-а-а», – это имя само просится сорваться с губ.

Но в последний момент я ему не позволяю.

Только отключаясь, я вдруг понимаю, что в номере нет Вадима, и момент, когда он ушел, я совершенно упустил.

А ночью случается кое-что еще, что выбивает меня из колеи. После хорошего оргазма и принятого на грудь алкоголя, сон выходит особенно крепкий. Привычным движением я, забыв на несколько секунд, где нахожусь, и что вообще в моей жизни происходит, притягиваю Лизу к себе. От волос исходит приятный яблочный запах, а тепло ее тела убаюкивает, возвращая в то время, когда нам было хорошо вместе. Когда я каждую ночь, ложась после работы поздно, вот так притягивал ее к себе, чтобы легче и приятнее засыпалось.

И сейчас те несколько секунд, что я держу Лизу в руках, я абсолютно счастлив.

Потом реальность отвоевывает свое: я резко просыпаюсь и сажусь на постели.

Блядь, как же болит голова! На куски раскалывается, как будто я не трахался с бывшей, а получил кувалдой по темечку. Проклятый алкоголь. Проклятый Вадик. Проклятая Лиза...

Смотрю на часы и понимаю, что проще уже и не ложиться, тем более что спать рядом с этой шлюхой не очень-то и хочется. Эйфория от секса прошла, и теперь я снова вижу ту Лизу, которая мне изменила. Которую я так ненавижу. Сегодня она была моей, но почему-то не стало легче ни на йоту.

Надо вычеркнуть ее из жизни и стереть из головы. Навсегда.

Быстро одеваюсь, стараясь делать это бесшумно, чтобы не разбудить ее и не спровоцировать новую порцию идиотских

разборок с трагическим выражением ебала, которое она мастерски научилась строить, отжигая со своим олигархом. Наверняка одинаково выпрашивала новый айфончик и просительно заглядывала мне в глаза в надежде, что я не слишком жестко ее трахну.

Поднимаю с пола ремень и засовываю в карман бумажник. Против воли взгляд снова и снова возвращается к спящей Лизе. Я не хочу смотреть, не могу физически сейчас ее видеть, но не вестись на безмятежную спокойную красоту спящей девчонки нереально.

Как же я ее любил, что мог часами смотреть, как она спит. А что теперь? Я все еще не могу оторвать от нее взгляд. Но уже по вине отвращения.

В голове всплывает фраза, сказанная ее фирменным жалобным голоском:

«У меня нет двадцати семи тысяч. У меня ничего нет».

Поддавшись порыву, я достаю из бумажника несколько тысячных купюр и оставляю на туалетном столике.

Все равно она больше не стоит. Хоть кое-кто и платил за нее раньше.

Лиза

Леша и Лиза. Нас называли «Лига Лени», расшифровывая на юморной лад аббревиатуру «ЛЛ», которой мы подписали свадебные приглашения. Прозвище приклеилось, потому что еще во времена, когда Лешка поднимал бизнес и сутками не бывал дома, любимым развлечением в выходной бы-

ло завалиться в постель и смотреть сериалы. Просто лежать, вставая лишь для того, чтобы забрать заказанный в ресторане ужин. Проваливаться в сладкий дневной сон, переживать за отношения Касла и Беккет или просто валяться, вслушиваясь в дыхания друг друга.

У нас с Темкой была игра. Когда Лешка оставался допоздна на работе, Темыч капризничал и не хотел ложиться спать. Но я все равно укладывала его в положенное время. Читала книжку, а он делал вид, что засыпает. Уходя, я оставляла на тумбочке какую-нибудь маленькую мягкую игрушку и знала, что он не уснет до тех пор, пока папа не зайдет поцеловать на ночь. А игрушка служила маленьким талисманом и была нашей общей тайной. У меня в комнате был целый ящик заранее купленных игрушек, а у Темки они уже не помещались в сундук. Леша над нами все время подшучивал.

Но мне нравился этот ритуал.

А сейчас я сама чувствую себя Артемом, который делает вид, будто спит, чтобы, едва захлопнется дверь, вскочить и схватить со стола игрушку. Только у меня вместо игрушки несколько купюр.

Я долго сижу на постели, кутаясь в одеяло и прислушиваясь к тишине гостиничного номера. Тело еще слишком ослабленное и уставшее после ночи. И кажется, что все произошедшее – какой-то странный сон. Одновременно жуткий и желанный. Я не думала, что еще хоть раз почувствую его прикосновения. Но губы горят от поцелуев, а мышцы ноют.

Меня буквально раздирают противоречия. Он заставил меня лечь с ним в постель, но не позволил Вадиму ко мне прикоснуться, хотя в самом начале я видела в его глазах решимость. Он не был привычно нежным, тем мужчиной, которого я запомнила, но не причинил мне ни грамма боли.

Я думала, что хорошо знаю бывшего мужа, но сейчас меня ошеломляет шторм, бушующий в его душе. Кажется, он вот-вот разрушит до основания остатки убежища, которое я так старательно выстраивала.

Часть меня еще уверена, что это сон. В состоянии абсолютной прострации я принимаю душ. Вода ледяная, но у меня нет сил разбираться, я просто стою под хлесткими струями, смываю с себя его запах, ощущение рук, следы поцелуев, которые не желают смываться. Придется закрыть их шарфом или водолажкой... а хотя какая разница? У меня больше нет работы. Что ж, и долга тоже нет, а если Леша действительно исчез из моей жизни, то это уже неплохо.

Как-нибудь выживу.

Только от того, что не удалось ничего узнать про Темку, болезненно сжимается сердце. Бедный мой мальчик... что он чувствовал, когда мама вдруг пропала?

Я смотрю в мутное зеркало, не очень понимая, стекает по лицу вода с волос, или я все же расплакалась, хоть и обещала не жалеть себя больше. Что сделано, то сделано. Мы не должны были встретиться сегодня. У меня не было иного выбора, кроме как вернуться в город, потому что я бы не

потянула жильё, а старенькая бабушкина квартира еще не до конца развалилась. Но я отчаянно надеялась, что не встречу Лешку, хотя частенько представляла, как случайно вижу их с Темкой в магазине или в парке. Но в этой мечте я всегда держалась в стороне, невидимым наблюдателем, жадно всматривающимся в чужую счастливую жизнь.

Мне хочется верить, что все будет хорошо, но по факту я понятия не имею, что такое это все. Я и живу на автомате, даже мысль о том, что однажды я встречу мужчину или заведу другого ребенка, кажется кощунственной. Я не имею права разрушить еще одну семью. И никогда не увижу свою.

Кутаюсь в чистый халат. Пальцы рассеянно перебирают кучи одноразовых пакетиков в поисках средства для укладки, но пластик скользкий от мыла, и пакетики рассыпаются по белоснежной раковине, а у меня вырывается прерывистый всхлип. Будто эта крошечная неудача становится последней каплей.

Плывать на волосы. Плывать на все. Я досижу до утра, попробую поспать, потому что транспорт не ходит, а денег на такси совсем нет. А утром забьюсь в самый дальний угол бабушкиной квартиры и отключусь. Мне снова приснится Лешка, и я снова скажу ему то, на что никогда не решусь в реальности.

Я скажу, как сильно люблю их с Темкой. И как ненавижу себя за то, что причинила им столько боли.

Стук в дверь – один из тех звуков, которых я до безумия

боюсь с самого детства. Я ненавижу, когда не звонят в звонок, а стучат, в этом есть что-то тревожное. Но кто может стучать в дверь номера? Горничная? Посреди ночи? Или они сняли номер на несколько часов, и время вышло?

Кутаясь плотнее в халат, я иду к двери, а когда открываю ее, то испуганно отступаю на шаг.

– Вадим?

– Лиза. Леха свалил?

– Да, что тебе нужно? Хочешь получить обещанное?

– Хочу, – честно и открыто, глядя мне прямо в глаза, говорит он.

– Тогда почему ушел?

– Я на такое не подписывался. В жопу. Накатаешь потом заяву, Леха не сядет, Леха муж, а я отправлюсь валить лес и шить рукавички. Я думал, ты на все согласная, но трахать силой – не мое.

– Тогда сейчас зачем пришел? Не боишься заявления?

– Я не собираюсь тебя трогать. Впустишь?

Я медлю, потому что вдруг в отсутствие Леши ощущаю странную беспомощность. Рядом с ним было страшно, но одновременно с этим обещание не причинять мне боль почему-то придавало сил. Я помню, как прижималась к нему, будучи не в силах совладать со страхом, и сейчас мне мучительно стыдно за слабость.

– Зачем тебе нужно входить, если ты не собираешься меня трогать?

Я плохо помню Вадима, это один из институтских друзей Лешки. Он позвал его работать, когда бизнес пошел в гору, и сейчас, видимо, сблизился настолько, что общим стало не только дело, но и развлечения и женщины. Светловолосый Вадим с открытой нахальной ухмылочкой – почти антипод серьезного Лешки с глазами, в которых можно утонуть.

– Поговорить хочу.

– Говори так.

– Лиза, бля, на весь коридор, что ли?! Я хочу знать, какого хрена у вас происходит! Я думал, вы расстались и все кончено, но то, что я видел – это нихуя не кончено!

– Ладно, тише, не кричи! Зайди.

Если он продолжит орать на весь коридор, то послушать сбежится весь отель. Закрывая за Вадимом дверь номера, я плотнее запахиваю халат. Несмотря на то, что в нем можно утонуть, и я закутана по самые уши, кажется, что я стою совсем голая.

– Давно ты вернулась?

– Не очень.

– И чего не позвонила?

– Я не планировала выходить на связь. Это вышло случайно. Леша не должен был знать, что я в городе.

– Леша бы не узнал, если бы тебя в городе не было.

– Мне некуда идти.

Он садится в кресло в гостиной. Початая бутылка с виски все еще стоит на столике, выдыхается – никто не сподобился

закрыть. Пить не тянет, беспокоиться о сохранности элитного алкоголя тоже. Я сажусь в кресло напротив и давлю в себе безумное желание расспросить Вадима об Артеме. Вытрясти из него каждую мелочь, каждое ненароком услышанное слово, повторить мне все сотню раз. Только вот зачем вспахивать себе душу второй раз за ночь?

– Ну, так и будешь молчать? – спрашиваю я.

– Почему ты ушла, Лиз? – вдруг серьезно спрашивает Вадим.

Я отворачиваюсь. Ненавижу этот вопрос. Его почти не задают: я оборвала все контакты, удалила страницы в соцсетях. Но иногда я все же встречаю знакомых и почти каждый задает это мерзкое «почему». Моих сил придумывать обтекаемые ответы уже не хватает.

– Влюбилась в другого, вот и ушла.

– Лиз...

– Что? Влюбилась, развелась, уехала в теплые края. Расстались, вернулась, потому что нехрен жрать, а здесь есть хотя бы квартира. Я не хотела встречаться с Лешей, мы столкнулись случайно, и по его вине у меня нет работы. И да, я не буду писать на тебя заявление.

– А на него?

Я нервно смеюсь, обхватывая себя руками. Очень хочется спать, кажется, что в глаза насыпали песка.

– И на него не буду, не беспокойся. Забудьте о том, что я существую. Забудьте оба о том, что сегодня случилось. Убе-

ди его, что меня нужно вычеркнуть из жизни. И все будет хорошо.

– Ты извини, Лиз, что я так. Просто понимаешь, Леха мне друг. Давай я тебе помогу, а?

– Поможешь?

– Ага. С работой помогу или с жильем там... в качестве компенсации. Пойми Леху, ты его крепко кинула. Он тогда чуть не сдох. Поэтому слегка перегнул палку. Но давай я тебе работу найду, а ты не станешь портить ему жизнь.

Все же Вадик – не самый лучший друг. У него благородные мотивы, но он очень плохо знает как Леху, так и меня.

– Какую работу? Девушка без документа об образовании может разве что полы мыть. Это единственное место, откуда меня еще не выгнали. Но туда можно и без блата попасть.

– А вот это ты зря. В нормальном агентстве можно иметь нормальные деньги. Знаешь, сколько можно поиметь, убирая офисы? Некоторые уборщицы побольше моего зарабатывают. Хочешь, позвоню знакомой в клининговую службу и попрошу тебя взять? Фирма приличная, я давно с ними работаю.

Я нервно смеюсь, не веря, что действительно это слышу. Боже, ниже падать некуда. Мне предлагает работу уборщицей друг бывшего мужа, которому тот любезно предлагал со мной поразвлечься.

Смех переходит во всхлип, и я закусываю губу до крови, чтобы сдержать рвущиеся наружу слезы.

– Лиза... – Вадим качает головой. – Ну что ты натворила-то, а?

– Оставь. Мои проблемы. Если хочешь помочь, забери у Лешки мой паспорт, он остался у него в сумке. На восстановление нет денег. И... сможешь достать мне фотку Артема?

– Лиз, Леха мне печень вырвет, если я с таким подступлюсь.

– Я знаю. Но ведь есть соцсети или еще что-то...

– У Темыча строгий запрет на слив личной инфы. Ты не думай, что из-за тебя, просто Лешка – он теперь не простой парень, у него бизнес, все дела.

– Я знаю. Хорошо. Тогда просто паспорт.

– Давай я тебе с жильем помогу, а?

– Нет, – отрезаю я так холодно, что сама ежусь. – Не нужно, Вадик. У меня есть квартира. Просто забери у Лешки паспорт и привези мне, адрес ты знаешь.

– Ладно, – вздыхает он. – Собирайся.

– Куда?

– Домой отвезу.

– Не нужно.

Но Вадим ничего не хочет слышать.

– Нужно, Каренина, нужно. Хрен знает, что тебе в башку взбредет. Давай, собирайся.

На самом деле я не хочу оставаться в этом номере ни секунды, но никак не могу прочитать в глазах Вадима ответ на насущный и мучающий меня вопрос.

– Зачем ты мне помогаешь? Обозначь сразу ценник... я не привыкла платить постфактум.

Он долго молчит прежде, чем ответить.

– Пока считай, что я – добрый и бескорыстный супергерой.

– А потом?

– А потом будет потом. Собирайся быстрее, мне к восьми на работу.

Это очень безрассудно: садиться в машину к едва знакомому мужчине, который еще совсем недавно олицетворял собой самый настоящий страх. Но я смертельно устала, это был безумно долгий день, а ночь вырвала мне душу наживую без наркоза. Я сижу, закрыв глаза, отстраненно вожу ладонью по мягкой коже заднего сидения, вдыхаю запах ароматизатора и думаю о том, пил ли Вадик и если да, то сколько. Хотя мысль о том, что, возможно, пил, не вызывает ни страха, ни тревоги. Я, кажется, потеряла способность бояться будущего. Все самое плохое уже давно случилось.

– Это здесь? Боже, ну и дыра... дом что, аварийный?

– Уже пару лет хотят признать.

В ночи старый дом на десять квартир выглядит еще более жутко и убого.

– Ты уверена, что там безопасно?

– Уверена. Спасибо, что подвез.

Там нет горячей воды, а батареи еле-еле греют, но зато там становится легче. Это чувство сложно описать: я помню

дом еще с детства, со времен бабушки. Как приезжала к ней и проводила в двух крошечных комнатах самые счастливые часы. Ее мебель еще частично сохранилась и, хоть обстановка давно потеряла шарм и уют, там все же легче.

– Лиз... – Вадик мнется. – Ты только Лешке не говори, если что...

– Не волнуйся. Он ничего не узнает. Спасибо, что подвез...

– Твою мать! – в сердцах Вадим бьет по рулю, и я вздрагиваю. – Ладно. И об этом не говори.

Когда он тянет руку, я отшатываюсь, но замечаю зажатый в ней смартфон.

– Мы ездили на шашлыки в начале осени. Всего пара фоток.

Я резко выпрямляюсь, осознав, что мне сейчас предлагают. Руки дрожат, когда я беру смарг и листаю галерею. Из-за слез, застилающих глаза, толком ничего не видно.

На фото целая толпа, но глаза безошибочно находят две нужные фигурки. Я не могу любить только сына, я жадно всматриваюсь и в его детское счастливое лицо и в Лешкино. Мне чудится в темных глазах бывшего мужа грусть. Или это отражение моей собственной?

Как же он вырос! Из карапуза превратился в почти перwokлашку. До боли похож на отца, особенно профиль. Мой мальчик... Темка.

– Вадик... – у меня уже нет сил держаться, так что голос

как у давно и безнадежно рыдающей женщины, – можно я себе скопирую?

– Лиз...

– Пожалуйста... у меня ни одной фотки нет. Иногда кажется, что я забываю, как они выглядят... никто не узнает, я клянусь!

– Ладно, – машет он рукой. – Копируй.

Быстро, пока не передумал, я отправляю фотографии себе на емейл и возвращаю смартфон.

– Спасибо.

Мне нечем его отблагодарить, только улыбкой, но вряд ли она приносит хоть какую-то радость, особенно сейчас.

– Что ты с собой сделала, Лизка...

Он даже не представляет.

– Ничего уже не изменить.

– А если бы могла? Не ушла бы? Осталась с Лешкой?

– Ушла бы. Если бы я могла что-то поменять, то никогда не вышла бы за него замуж. Спасибо, что подвез. Будь осторожен на дороге, хорошо?

Ошеломленный Вадим растерянно смотрит мне вслед. И, когда я уже почти на ступеньках, тянусь к двери, он кричит, высунувшись из окна:

– Подумай о работе!

Машу рукой на прощание – и темнота подъезда скрывает меня от посторонних глаз. Поднимаясь на второй этаж я уже знаю, как проведу остаток ночи. В почте меня ждут две са-

мы ценные фотографии на свете.

Глава вторая

– Каренина, поезд приехал!

Я закатываю глаза.

– Если она еще раз повторит эту шутку, я избыю ее паровой шваброй.

– Да ладно, – хмыкает Снежа, – это уже почти традиция. Ну, давай, узнавай, в какой Мордор мы снова тащимся.

Я выхожу из комнаты для персонала и направляюсь в офис начальницы. Она неплохая женщина, строгая, но адекватная. Но эти ее шуточки... порой я ненавижу свою фамилию. Сначала гордилась – красивая отсылка к красивой трагичной истории. А сейчас через раз слышу «Чего? Каренина? В разводе? Ахахаха, на РЖД не хочешь пойти работать?».

– Ирина Дмитриевна? – заглядываю в кабинет. – Вызывали?

– Да. Садись. Смотри, в бизнес-центре «Омега», который по Ленина, был ремонт. Нужно отгенералить верхние два этажа, вместе с балконами. Впятером справитесь за три дня?

– Справимся, конечно. А там все плохо?

– Да не особо, мусора нет, по мелочи. Стекла и глянца много, как и везде. Окнами займутся промальпинисты, а вы отдрайте все внутри. И чтобы без эксцессов.

– Да, конечно.

– Тогда вперед. За старшую. И смотри, чтобы как в прошлый раз не получилось, ясно?

– Хорошо, Ирина Дмитриевна.

– Тогда свободна.

Да, если никогда толком не работала, шишки приходится набивать самостоятельно. Я осталась совсем без денег, когда, понадеявшись на сознательность девчонок, отправила их одних убираться в загородном доме какого-то мужика. Должно быть, хозяин дома очень удивился, застав уборщиц попивающих гаванский ром из любимых хрустальных бокалов супруги. Вместо того чтобы усердно драить дом отведенные два дня, девчонки решили, что раз хозяйева уехали на неделю, то можно расслабиться и шикануть.

Мне крепко влетело, и с тех пор я не отлучаюсь с работы. И хотя миллион раз просила не назначать меня старшей, Ирина Дмитриевна все равно упорствует. «Ну а кого? Этих дур? Тебе тут одной работа нужна, а не грелка для ленивой жопы».

Я возвращаюсь к девчонкам и тоскливо смотрю в чашку: кофе остыл.

– Ну, что? – Снежа потягивается. – Опять ишачить?

– За похлебку работаем, – бурчит Марьяна. – Надоело.

– Бизнес-центр после ремонта, – говорю я. – Три дня, пять человек.

Раздается дружный стон, и только Снежа фыркает:

– Че раскудахтались? Ну сидите и нойте, мы вдвоем убе-

рем, бабла больше получим. Вы ж хуй без соли сосать будете скоро.

– А я люблю бизнес-центры, – мечтательно улыбается Наташка.

Она самая младшая в компании, девчонка только закончившая школу. Неплохая, очень интеллигентная, но немного витающая в облаках.

– Там можно с кем-нибудь познакомиться...

– Ага, – хмыкает Снежа, – стоишь на корячках, драишь пол после штукатурки, и тут ОН – миллиардер, бежит сообщить, что необразованная поломойка – мечта всей его жизни.

– Дура ты, Снежана, – обиженно говорит Наташа.

– Я в отличие от тебя жизнь знаю, малая. Нужна ты больно кому. Тоже мне, Водянова выискалась.

– Девочки, хватит, – прошу я. – Давайте собираться. Прикрывать и записывать лишние часы никому не буду. Либо работаем все вместе, либо деньги получают только те, кто заслужил.

– Посмотри, – фыркает Анжела, – честная какая нашлась. Я на такси скидываться не буду, ясно?

– Ой, да не вопрос, вали на метро в обнимку с керхером!

Мне хочется надеть наушники и на полную громкость включить тяжелый рок. Я работаю здесь месяц, но кажется, будто провела половину жизни, и это не в хорошем смысле. Судьба редко приводит просто так в клининговые компании.

Здесь платят сдельно, после каждого заказа, в черную, и не так уж много, но молодые девчонки идут за неимением вариантов лучше. Многие их позже находят и пропадают.

Ну а я за работу держусь – у меня нет вариантов. Если забить на выходные и не перебирать заказы, то хватает на коммуналку, питание и кое-какие необходимые вещи. Первым, что я купила с оплаты большого заказа, стало кресло-мешок. Мы с Темкой любили валяться в таком, оно стояло в детской. С моим ростом в кресле можно было не сидеть, а лежать, и я устраивалась поудобнее, а потом брала на руки сына. Если заходил Лешка, то с удовольствием переворачивал кресло, и мы оказывались на полу – одним хохочущим переплетенным комком.

Сейчас я в нем просто читала. Часами сидела с невыносимо ноющими ногами и руками, и читала до тех пор, пока мозг сам не отключался, погружая меня в беспокойный поверхностный сон. Наверное, я выгляжу не слишком здорово, хотя сейчас все довольно неплохо. Меня ждет новый год в одиночестве, но зато не нужно думать о том, что есть и где спать.

А еще дома, между страницами книги, лежат две купюры. Я не знаю, зачем взяла их, просто сунула в карман, а обнаружила уже дома: они выпали на старый потертый ковер. Нужно было оставить деньги, что он дал, я все равно не способна их потратить, но это как наркотик. Я, наверное, схожу с ума, но у меня есть маленький памятный альбом из утраченных

навсегда мгновений.

Помятый билет на «Анну Каренину». Две фотографии Лешки и Темки, отданные Вадиком. И две купюры. Три жизненных этапа, три главы умещаются в крошечных конвертах, которые я храню бережнее всего на свете.

– Ау-у-у, Каренина, – Анжела машет у меня перед лицом рукой, – я говорю, адрес дай, сама доеду.

– А... я не знаю адреса, посмотри в гугле. Бизнес-центр «Омега». Он совсем новый, где-то на Ленина.

Девчонки собирают средства и инструменты, а я достаю для них форму. Мне стоит благодарить Вадима за то, что он помог сюда устроиться. В компании есть некий имидж, стандарт. Мы не грязные и неопрятные приезжие со швабрами, а аккуратные девочки в симпатичных сиреневых костюмах. Пожалуй, в том, чтобы быть уборщицей, нет ничего позорного.

– Бизнес-центр «Омега», бульвар имени В.И. Ленина, тридцать, – читает Анжела. – Фирма «ЛЛ-групп».

– Что?

Из моих рук выскальзывает рубашка.

– Кто владелец?

– Откуда я знаю, кто владелец? – Анжела крутит у виска. – Фирма такая. «ЛЛ-групп». Написано, что занимается недвижимостью.

– О, господи... этого еще не хватало.

– Лиз? Что с тобой? – хмурится Наташа.

Это злой рок? Чья-то изощренная издевка? Многоходовочка Вадима, устроившего меня сюда? Или новый этап мести Леши, узнавшего о моей работе?

Алексей

– Дай, я помогу.

Жанна счастливо улыбается заглянувшему в окно солнышку и тянется к моей шее, чтобы перевязать галстук.

– Тебе обязательно уезжать? Ведь сегодня суббота.

– Обязательно. Мы, наконец-то, переезжаем. Ремонт доделали, я хочу взглянуть, что там и как, проконтролировать переезд.

– А когда ты пригласишь нас в гости?

Из-под опущенных пушистых ресниц в меня летит игривый взгляд.

– Там сейчас пыль и срач. Когда все уберут, подключат и наладят – добро пожаловать

– Ну, ладно, – вздыхает она, – тогда съездим с Темкой на каток. Он просился.

– Только не забудь о стоматологе.

– Папа!

Темыч вваливается в комнату, волоча за собой мигающего всеми цветами радуги робота. Я невольно улыбаюсь, вспоминая, как под покровом ночи обрезал у этой ебучей игрушки провода, ведущие к динамику. Если сутки слушать одну и ту же мелодию, можно поехать крышей. И как Жанна умудряется справляться?

Хотя за то бабло, что я ей плачу, странно жаловаться на песенки игрушек.

– Ты поехал на работу? – спрашивает сын.

– Да, на пару часиков. Потом вернусь, и мы поиграем с тобой в «Ведьмака». Если будешь себя нормально вести у врача. Темыч? Понял меня?

– Да. А мы закажем пиццу?

– Закажем, – вздыхаю я.

– А меня возьмете, мальчики? – Жанна улыбается. – Я тоже пиццу хочу.

– Ты любишь с ананасами, она невкусная!

– Я люблю и «пепперони».

Меня вдруг начинает резко раздражать Жанна, хотя это очень иррациональное чувство, не имеющее подоплеки. Она – находка. Молодая, симпатичная, умненькая девчонка, умеющая ладить с детьми. Педагог, из хорошей семьи, красивая блондинка с огромными голубыми глазами. Сносно трахается, круто готовит, воспитана и умеет вести себя в обществе.

Я знаю, что Жанна хочет отношений. И знаю, что она нравится Темке, и раз уж мне пора перестать шарaxаться от баб и найти себе уже хоть какую-то подружку, чтобы пресечь слухи в тусовке, то Жанна – отличный кандидат.

– Па-а-ап, – дуется сын, – возьми меня с собой! Возьми! Я тоже хочу посмотреть!

– Темыч, ну хватит капризничать. Я же сказал: возьму,

когда все закончим. Сейчас там нечего делать. Грузчики носят мебель, всякие программисты настраивают компьютеры, клининговая служба убирается.

– Клин... клининговая?

– Это такая компания, которая делает уборку за деньги.

– А ты можешь нанять ее и не заставлять меня убирать игрушки?

Жанна хихикает, а я ерошу темные волосы сына. Мне тоже не хочется уезжать в выходной, я бы с куда большим удовольствием съездил с ним на каток, а по пути домой заехал в пиццерию, чтобы весь вечер резаться в приставку, есть всякую гадость и чувствовать себя счастливым человеком. Насколько вообще может быть счастлив отец-одиночка.

– Пап, ну возьми... ну пожалуйста... я не буду никому мешать! Честно-пречестно-пречестно!

Смотрю на Жанну и вздыхаю.

– Ладно. Иди, собирайся. Дадим няне выходной...

Когда ребенок с победным воплем уносится, я достаю из бумажника карточку.

– И кредитку. Чтобы няня порадовала себя... и меня. Да?

– А если няня тоже хочет поехать и посмотреть новый офис?

А я хочу побыть с сыном. Без няни. Но Жанна обидится, если я это скажу, и она не заслужила такого. Поэтому я, покосившись на дверь и убедившись, что Артем еще собирается, притягиваю ее к себе:

– Сегодня ночью мне нужна страстная игривая кошечка. А не задолбанная няня, весь день бегавшая по строительному мусору за ребенком.

– Ты уверен, что Темке там будет безопасно?

– Уверен. Я не спущу с него глаз.

– Хорошо. Тогда положу ему в рюкзак планшет. Если что, займешь игрушками.

– Что бы я без тебя делал.

– Дрочил бы холодными одинокими ночами, – шепотом отзывается Жанна и уворачивается от моего шлепка по заднице, заливаясь смехом.

Обычное почти семейное утро. Сборы на работу. Разговоры с ребенком. Крепкий кофе, остывающий в чашке. Влюбленная женщина провожает до порога и обещает расслабить после всех дел.

Что не так-то, Каренин, что тебе не нравится?

– Леш? – Жанна вытаскивает меня из раздумий. – Все хорошо? Ты какой-то... словно не здесь, не с нами.

– Все нормально, детка.

– Ты ведь знаешь, что можешь поделиться со мной всем?

И что я...

Она неуверенно кусает губу.

– Вы с Темкой дороги мне. Я знаю, что ты не строишь планов и не интересуешься отношениями, и я соглашаюсь с позицией «просто секс». Мне лишь хочется, чтобы ты знал, что можешь со мной поделиться.

Она не произносит вслух, но мы оба все прекрасно понимаем. Мне не с кем говорить. Отец мертв, жена свалила, остался маленький ребенок, но не будешь же рассказывать ему, как силой трахнул его же мать?

– Лиза вернулась в город, – говорю я. – Мы случайно встретились.

Краска сходит с лица Жанны.

– О... она вернулась из-за тебя?

– Не знаю. Может, просто негде жить. Любовничек, судя по всему, ее выпер. Переехала на старую бабкину хату. Вряд ли у нее хватит ума лезть ко мне.

Я молчу о том, что у меня-то как раз и хватило. И что теперь я не могу избавиться от воспоминаний о том, как трахал ее. Как она отвечала на поцелуи, как мозг отключился, и я даже не заметил, что задуманная месть обернулась пыткой и для меня. И что Вадим свалил, а я даже не заметил, растворившись в близости с бывшей.

За что люблю Жанну, так это за собранность и умение делать правильные выводы.

– Как мне вести себя, если она попытается приблизиться к Артему?

– Сразу зови охрану и уезжайте. На все вопросы отвечай, что я так решил и все вопросы через меня.

– А Артем? – Она с беспокойством оборачивается. – Он ведь узнает ее.

– Я не могу запереть его в четырех стенах. Постарайся

смотреть в оба, если увидишь ее на горизонте – уходи до того, как у нее будет шанс обратить внимание Темки.

– Сбрось мне ее фото. Я ведь ни разу не видела ее.

Фото... у меня нет ни одного фото Лизы. Я стер их все и вознес бы молитву всем существующим богам, если бы можно было точно так же снести воспоминания из памяти, как фотки из телефона и сети. Очистил карты памяти, отформатировал ее ноутбук, а еще сжег все фото из альбома, которые она фанатично печатала и вкладывала, хотя уже давно никто не хранит бумажные фотки.

Но я знаю, где добыть фотки: в соцсетях пары Лизиных подружек остались совместные фотки. Я морщусь, просматривая их. С каждого кадра смотрит привычная улыбчивая Лиза. Совсем незнакомая, как оказалось. Я словно режу сам себя на куски, но не могу перестать думать о ней.

Вот они с подругой в Доминикане, плещутся у берега. Изменяла ли она мне уже тогда? А вот они с другой подружкой в спа-комплексе, они всегда ходили туда раз в две недели. Еще с год назад, когда аккаунт Лизы в инстаграме был жив, она выкладывала фотки из какого-то хаммама с тем мудаком. Он драл ее в сауне, как шлюху, а она счастливо улыбалась и делала селфи, в то время как я подыхал в реанимации, а сын жил у друзей и боялся попасть в приют.

Когда я усилием воли вытаскиваю себя из воспоминаний, то замечаю, что Жанна смотрит с сочувствием.

– Больно, да? – ее голос звучит тихо и грустно. – Почему

она так поступила? Вы с Артемкой такие чудесные...

Чудесные... сын – да, это ребенок-мечта, практически идеальный пацан, сошедший со страниц рекламного журнала о счастливой семейной жизни. А я... чудесный я несколько недель назад подставил бывшую, чтобы трахнуть ее на пару с приятелем. А теперь смотрю на старые фотки, испытывая одновременно ненависть, желание снова к ней прикоснуться и жалость к девочке, которой было очень больно – я видел это в ее огромных глазах.

Только этой девочки никогда не существовало. Это глаза маски, которую Лиза Каренина мастерски умеет носить.

– Мы ей не нужны. Вот и все. Она не задумывала злодейство и не строила коварные планы по моему уничтожению. Ей просто было плевать. И сейчас плевать, поэтому я не думаю, что она вас потревожит. Но на всякий случай смотри в оба, хорошо? И ничего не бойся. Я никому не позволю причинить вред тебе или Артему.

Жанна неуверенно улыбается и легко проводит кончиками пальцев по моей щеке. Приятное ощущение.

– Включи в этот список себя, хорошо? Тебе вреда причинили уже достаточно.

– Папа, я готов!

– Артем! – Жанна строго качает головой. – Эту куртку носить уже холодно. Идем, я достану тебе зимнюю

– Хочу эту! – капризничает сын.

– Так, приятель, слушайся Жанну. Иначе будешь сидеть

дома, понял? Сказали зимнюю – значит, зимнюю. Давай, не хнычь, теряем время. Нас там уже ждут.

Спустя час я выруливаю на парковку бизнес-центра, едва сдерживаясь, чтобы не выматериться. Кажется, центр стоит даже в те часы, когда пробок в принципе нет. Кто-нибудь, скажите им, что не надо по привычке стоять в пробке, если дорога свободна – можно ехать.

Темыча, впрочем, ничего этого не волнует. Он самозабвенно играет на моем планшете и вообще воспринимает поездку как приключение. Я рад, что взял сына с собой. В последнее время категорически не хватает времени, проведенного с ним.

«Ты же отец-одиночка!», «посмотри на других отцов, сбежали и не появляются», «а на что жить, если не работать?», – все пытаются меня успокоить, но все это слабо работает. Артем, когда вырастет, не скажет «Зато ты не ушел, как мама». Он спросит, почему детство прошло в компании няни, почему я пропустил все его утренники в саду, в школе, выпускной и вручение аттестатов. И то, что я зарабатывал деньги, вряд ли станет достаточным аргументом.

Но сейчас мы вместе осматриваем новый бизнес-центр, куда переезжаем всей компанией. Верхние этажи – наши, с них открывается шикарный вид на центр. А нижние отдаем под аренду, и кое-где уже появляются вывески компаний. На втором еще шумит ремонт: туда готовится въехать какой-то модный ресторан. Совсем скоро, максимум через полгода, в

этом архитектурном шедевре, выполненном, кажется, целиком из стекла, закипит жизнь, как в муравейнике.

Лифт поднимает нас на самый верх. Темыч морщится: от резкого подъема закладывает уши. Когда мы выходим, мимо проносится стайка девчонок из клининговой фирмы.

– Вот, Темка, папин новый офис.

– Ты будешь здесь работать?

– Да. И вся наша фирма. Мы купили здание и сделали в нем ремонт.

– Все-все здание? Такое большое?

– Да. Теперь мы сдаем в аренду офисы другим компаниям. У нас бизнес-центры по всему городу. И два торговых центра. Тебе нравится ездить в «Крайтон»?

– Да, в «Кидсбург»!

– Вот. Мы предоставляем место для таких компаний. Идем, покажу свой кабинет.

– Алексей! Темочка!

Навстречу нам идет, улыбаясь, Алевтина. Она работала еще на отца, и было бы глупо не взять ее к себе. Прошедшая с фирмой огонь, воду и медные трубы, Алевтина в короткие сроки может наладить работу любого офиса. Я впервые в жизни встречаю человека, который совсем лишен амбиций и кайфует от должности обычного завхоза. Но то, что в приемных всегда есть кофе, окна сверкают чистотой, а на крыльце никто не свернул себе шею из-за гололеда – ее заслуга. И, конечно, она от и до контролирует ремонт и его по-

следствия.

– Привет, разбойник! Пришел с папой на экскурсию?

– Я не разбойник! – хмурится Темыч, он почти не помнит Алевтину.

Но она располагает к себе людей и неплохо ладит с детьми. Эдакая добрая тетушка с широкой улыбкой.

Мы направляемся к кабинету, а Темка скачет рядом. Краем глаза я неотрывно за ним слежу. Хотя здесь больше нет строительного мусора или открытых банок с чем-нибудь токсичным, все равно надо быть настороже.

– Девочки из клининга работают. Закончат за несколько дней. Если все будет нормально, возьмем парочку на постоянное обслуживание. Расходники привезли. Кофе, чай, все в коробках, распакуем к понедельнику. Кофемашины пока ждем, обещали сегодня, но... сами понимаете.

– Вы молодец, Алевтина. Я считаю часы до момента, когда смогу работать в нормальном кабинете.

– В кабинетах поставили диспенсеры с антисептиками, сами понимаете, мало ли... я хотела предложить закупить их и на ресепшен, и для арендаторов. Чтобы к нам не было никаких вопросов.

– Да, пожалуй, в этом есть смысл.

– И еще вопрос со столовой для сотрудников. Они утверждают, что по договору туалет и умывальники – не их площадь, требуют расходники с нас. Мне-то несложно, но как такое получилось, что столовая есть, а туалет – не ее?

– Я скажу Юре, чтобы прислал тебе копию договора, глянешь сама. И еще...

Я замираю на пороге собственного кабинета. Он шикарен: с панорамными окнами, от которых захватывает дух, очень светлый и современный, напичканный всевозможной техникой. Это кабинет из фантастического фильма, но мое внимание привлекает не роскошь и не глянец, а худенькая девчонка в форменном платье клининга, склонившаяся над столом и полирующая его до блеска.

Дальше – как в замедленной съемке.

Одна секунда – она нас еще не видит, сосредоточенно прыскает на стол средство и растирает его салфеткой.

Вторая секунда – звонко и громко «Папа, какие огромные окна!» – Артем осторожно выглядывает из-за меня.

Лиза поднимает голову, и третья секунда кажется вечностью, в которую я лечу от осознания того, что только что случилось.

Боясь их случайной встречи с сыном, я сам привел его напрямик к ней.

Но я реагирую мгновенно.

– Алевтин, своди Темку за мороженым, – бросаю я.

Завхоз со мной уже давно, научилась по голосу различать оттенки настроения и безошибочно определять, когда приказ следует выполнить максимально быстро и четко.

– Темочка, идем, я тебе покажу, какое у нас здесь кафе-мороженое открылось! На третьем этаже! У них есть ро-

жок «бابل-гам»!

Лиза бросается к нам, но я в несколько шагов перехватываю ее на половине пути и с легкостью отталкиваю в сторону конференц-зала. Артем на нее не смотрит, захваченный внезапной перспективой полакомиться любимой сладостью.

Бывшая, должно быть, вкладывает все силы, чтобы вырваться из моего захвата. Она на меня даже не смотрит, не отрывая взгляда от удаляющегося сына, но я заталкиваю ее в конференц зал. Не рассчитав силы отпихиваю от двери, и она неловко оступается, хватаясь за спинку ближайшего стула. Тот с грохотом падает на пол, и Лизе чудом удается устоять. А я тянусь к жалюзи, чтобы отрезать нас от любопытных глаз. И чтобы не допустить больше подобной оплошности.

– Темка...

– Забудь. Тебе показалось.

– Он так вырос.

– Какого хуя ты здесь делаешь?!

Она переводит взгляд на меня. Бесят слезы, стоящие в глазах. Хуль ты рыдаешь сейчас? Не рыдала, когда бросала ребенка?!

– Работаю.

– Думаешь, я спущу тебе попытки подобраться к моему сыну?!

– Леша... я просто работаю. Я не знала, что это твой офис.

– Разучилась думать и читать?

– Я... узнала не сразу. Но мне нельзя отказываться! Ду-

мала, не встречу тебя... прости.

– Значит, работаешь?

– Да.

Она грустно улыбается, окидывая взглядом форменное платье.

– Уборщицей.

Я злюсь. На нее. На себя. На весь мир. Злость бурлит внутри кипятком, требуя выхода.

Я ее ненавижу.

Медленно, зная, что Лиза следит за каждым моим движением, протягиваю руку к столу и смахиваю на пол вазу. Она из небьющегося стекла, поэтому, как обычно, разлетается на миллиард осколков. Они повсюду, куда доходит свет. Маленькие, острые, поблескивающие.

– Убери. Раз уборщица, – хрипло говорю я.

Лиза, как замороженная, смотрит на россыпь осколков. Когда поднимает глаза, я ожидаю увидеть в них что угодно: ненависть, обиду или презрение, но вижу удивление. Оно выводит из себя сильнее, чем насмешка. Лиза не имеет права удивляться тому, чем я стал. Она сделала все, чтобы это случилось.

– Зачем? Леш, зачем ты так?

– Ты же сказала, что уборщица. Вот и займись прямыми обязанностями. Конференц-зал и кабинет твои, ясно? Вылижи все до блеска. Может, получишь чаевые.

Выходя, я наступаю на стекло, и оно противно хрустит под

ногами. Хочется что-нибудь расколотить, дать выход ярости, но поблизости слишком много людей. Ремонтники, админы, клининговые девочки.

Как у нее это получается?! Почему, вернувшись в город, Лиза меня словно преследует? Утверждает, будто это лишь роковые случайности, только вот не врет ли, как обычно? Она лгала столько, что я даже в простом «нет» слышу издевку.

– Жанна? – Она отвечает на звонок почти сразу. – Приезжай. Забери Артема. Прислать водителя?

– Нет, я в десяти минутах от вас.

– А чего это так близко?

Слышу в ее голосе улыбку, но сейчас не способен на флирт по телефону. Вообще не могу о ней думать, внутри снова тлеют противные обжигающие угольки.

– Решила, что могу понадобится и выбрала торговый поближе. Здесь есть твой любимый магазин белья. Я успела сделать пару фото, если хочешь...

– Позже, – обрываю я. – Забери Темку. Он с сотрудницей, ест мороженое. Я предупрежу, что ты его заберешь, покажешь ей паспорт.

– Все в порядке? Артем что-то натворил?

– Нет... – на секунду я заминаюсь и не знаю, что сказать. – Здесь грязнее, чем я думал, а мне нужно плотно поработать. Он уже посмотрелся и нагулялся. Отвези его к стоматологу, а потом поразвлекай до моего приезда.

– Уже еду. Не волнуйся.

Я был на волоске, и больше не дам судьбе шанса столкнуть Тему и Лизу. Сейчас Жанна увезет сына, а я вышвырну отсюда эту суку, и сделаю все, чтобы в радиусе пары десятков километров ее вокруг моего дома и офиса не было.

Из конференц-зала не доносится ни звука. Медленно, будто нарочно продляя болезненные мгновения, расковыривая рану мыслями о бывшей, я прохожусь по кабинету. Говорят, однажды на ненависть и другие чувства не останется сил. Накатит апатия, наступит абсолютное безразличие. И через много-много лет, возможно, я смогу сказать Лизе, что простил ее. Что больше не думаю о том, как она бросила нас. Как я лежал в реанимации, думая о ней, о сыне, о том, что надо выкарабкаться, а она в этот момент счастливо и беззаботно собирала вещи, чтобы нежиться под мальдивским солнышком. Как привезла домой к друзьям Артема, пообещав, что заберет его вечером и больше не возвращалась.

Я ненавижу ее больше всего на свете, и от этого еще противнее, потому что так же ясно осознаю, что и хочу ее. Что картины прошедшей ночи встают перед глазами так же ярко, как кадры из некогда счастливой жизни. А это ее дурацкое платье с голыми коленками... как из идиотского дешевого сериала о захватывающей жизни прислуги и хозяев. Какой идиот придумал нарядить уборщиц в такие платья? В погоне за корпоративным стилем и прочей хуетой люди, порой, теряют остатки здравого смысла.

И у меня его осталось мало. Я не могу отказаться от мазохистского удовольствия раз за разом возвращаться к бывшей жене. В мыслях и в реальности: замираю на пороге конференц-зала, и ловлю момент, когда Лиза меня не видит.

Она стоит на коленях на полу, собирает осколки в ведро, почему-то руками, не используя ни тряпку, ни пылесос. Худые плечи тоскливо опущены, а из тугого хвоста выбились несколько прядей. Она хоть и отрезала шикарные длинные волосы, они все равно живут собственной жизнью.

Эту девушку не испортят ни форменное платье заштатной клининговой фирмы, ни дорогой наряд за несколько миллионов. Ни нагота, способная отключить начисто мозг. Она все еще до безумия красивая и трогательно хрупкая.

А еще она стоит коленями прямо на осколках. И, приглядевшись, можно увидеть крошечные капельки крови на светлом ламинате.

– Какого хрена ты творишь?! – рычу я, подскакиваю к Лизе и одним движением ставлю ее на ноги.

В нежную кожу на коленях впились тысячи мельчайших осколков, а один оставил настолько глубокий порез, что капли крови стекают по ноге, пропитывая тонкий кожным кроссовок.

– Лиза, мать твою! Ты крышей поехала?!

У нее какой-то странный равнодушный взгляд, немного рассеянный. Лиза хмурится, закусывает губу от боли и только морщится – не издавая ни звука и не отвечая на мой во-

прос. Я заставляю ее поднять руки и осматриваю ладони – на них тоже несколько порезов.

– Блядь! Лиза!

Я беру ее за плечи и несколько раз хорошенько встряхиваю.

– Ты вообще соображаешь, что делаешь?! Ты с ума сошла? Да о чем я, конечно, у тебя мозги набекрень. Тебе надо не на работу, а к психиатру. Пошли!

– Куда?

– Угадай, – мрачно отвечаю я.

За руку ее брать нельзя, поэтому я смыкаю пальцы на локте и тащу за собой. Она раздета, но мне плевать, на подземной парковке не так уж и холодно, потерпит пару минут.

Мы собираем все удивленные взгляды, которые только можно. Я надеюсь, что не встретим Алевтину с Артемом, потому что это станет катастрофой, и вселенная почти слышит меня. Уже на парковке я вталкиваю дрожащую от холода Лизу в машину и, едва успев запереть дверь, слышу знакомый смех. Тело действует четко и быстро: я сажусь за руль и блокирую двери до того момента, как Лиза увидит Жанну и Артема. Но на парковке пусто, и две фигурки неизменно привлекают внимание.

Она смотрит в окно, прижав к нему ладони. Отстраненно я думаю: прекрасно, теперь у меня на стекле останутся кровавые следы. Сто процентов по дороге домой тормознут менты, а у меня нет даже влажных салфеток.

Мы оба смотрим, как Жанна сажает Артема в машину и возится с креслом. Я поворачиваю ключ, и Лиза тихо просит:

– Подожди...

Почему-то меня это злит, и будто нарочно я резко выезжаю с парковочного места. Жанна вздрагивает и хмурится. Она узнала машину. Долго, вплоть до момента, когда я поворачиваю, смотрит нам вслед. Заметила Лизу? Мне бы хотелось, чтобы нет.

– Это твоя девушка?

– Это няня. Но да, она моя девушка.

– Красивая. Она хорошая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.